

# «Нужны ли мы Украине?»

Результаты анкетирования  
в неподконтрольных районах Донбасса,  
анализ мнений и выводы конфликтолога.

## Об издании

DRA e.V. Badstraße 44  
D-13357 Berlin  
Tel. +49 (0)30 446 680 12  
Fax. +49 (0)30 446 680 10  
info@austausch.org  
www.austausch.org



Подготовка данной публикации состоялась в рамках проекта DRA e.V. «Диалог ради взаимопонимания и справедливости: европейские НПО работают вместе для преодоления конфликта на Донбассе» при финансовой поддержке Федерального Министерства иностранных дел Германии.



Содержание материалов необязательно совпадает с позицией Министерства иностранных дел ФРГ или DRA.

Редактор – Ирина Яковлева.  
Иллюстрации – Nastia Eliseeva.

Copyright © DRA 2020

Воспроизведение материалов разрешено при условии указания источника.



# Содержание

3

<b>Предисловие</b>	<b>4</b>
Тим Джуда, британский журналист, автор книги “In Wartime: Stories from Ukraine”	
<b>Исследование «Шесть лет за линией фронта: что люди на неподконтрольных территориях думают об Украине, войне и будущем»</b>	<b>7</b>
<b>Эссе украинских журналистов, выходцев из Донбасса, о мнениях, высказанных в исследовании</b>	<b>30</b>
<b>«С точки зрения «исключенных»</b>	<b>31</b>
Алиса Сопова, дончанка, журналистка, аспирантка факультета антропологии Принстонского университета	
<b>«Откопать лет через сто? Как на отдельных частях Донецкой и Луганской областей почти не осталось Украины»</b>	<b>34</b>
Юлия Абибок, журналистка, соискательница степени PhD по специальности Медиа и коммуникации	
<b>«Диалог через линию соприкосновения никогда не прекращался»</b>	<b>37</b>
Дмитрий Дурнев, дончанин, журналист	
<b>Размышления конфликтолога</b>	<b>41</b>
<b>«Диалог начинается с личных историй»</b>	
Инна Терещенко, медиатор, фасилитатор, тренер, конфликтолог, кандидат философских наук, руководитель Одесской областной группы медиации.	

## Предисловие



**Тим Джуда**  
британский журналист  
автор книги "In Wartime: Stories from Ukraine"

Если опыт меня чему-то и научил, так это тому, что на некоторые вещи, чтобы действительно их увидеть, нужно смотреть на расстоянии. И, естественно, я не говорю про физическую дистанцию, а скорее про эмоциональное дистанцирование.

Я поясню. В 90-ые годы я освещал практически каждое событие югославских войн. Более того, я прожил их, даже больше, чем большинство югославов – в том смысле, что как журналист я не только освещал все те конфликты, в Хорватии, в Боснии, в Косово, – но в отличие от местных у меня была возможность перемещаться, пересекать линии фронта. Когда войны закончились, я продолжил освещать события в этом регионе. Мой следующий материал будет посвящен тому, как и о чем думают 25-летние жители Боснии. Почему? Потому что война там закончилась как раз 25 лет назад.

Так в чем же связь? В апреле 2014 года в Украине меня просто потрясло неожиданное чувство дежавю. Я увидел мужчин в состоянии эйфории, которым раздали оружие. Они заведовали блокпостами и кричали о «фашистах». Вдруг

они почувствовали, что их заурядная жизнь приобрела значение: они тоже, как их родители, деды или прадеды, обзаведутся своими собственными рассказами о сражениях в праведной войне или о становлении на волне революции. А потом, в Донецке, меня пригласили на ужин, где собралось довольно много гостей, и меня, как иностранца, попросили взять слово. Я сказал, что увиденные мной только что блокпосты я уже видел раньше в Хорватии и в Боснии, а это означает, что грядет война.

Остальные гости со мной не согласились. Не то что бы они не верили мне; они не хотели мне верить. И это, конечно, я тоже уже видел раньше. Когда в Хорватии уже бушевала война, боснийцы улыбались и говорили: «Здесь такого никогда не произойдет, ведь все знают, насколько это было бы ужасно, случись война».

И вот опять. Четверть столетия спустя после окончания боснийской войны и практически семь лет с начала конфликта на востоке Украины: все, о чем я читаю в этом исследовании, настолько знакомо!

Но с оговоркой. Между Балканами и восточной Украиной есть много похожего, но есть и некоторые ключевые различия. Самое основное различие заключается в том, что на Балканах конфликты разгорались четко по этническим линиям или, по меньшей мере, на почве идентичности. Сербь (православные) против хорват (католиков) против боснийцев (мусульман) против албанцев (неславян). На востоке Украины различие между русскими и украинцами было абсолютно эфемерным, но как видим теперь в этом исследовании, с каждым годом оно усиливается. Если на неподконтрольных украинскому правительству территориях украинский язык сейчас просто вычеркнут, а для многих на противоположной стороне русский язык – это язык агрессора, то это значит, что формируются новые идентичности. Должны ли мы удивляться, что иссле-



дование показывает нам молодых людей, более националистичных, чем их родители? То же самое мы видели и на Балканах. У молодых людей нет воспоминаний о том, как все жили вместе, а школы формировали определенный менталитет нового поколения. На Балканах появились новые идентичности. Болгары и греки, например, крайне возмущены тем, что македонцы думают, что они – македонцы, потому что они не могли так думать 100 лет тому назад. Во второй половине XX столетия косово-албанская идентичность трансформировалась из региональной в национальную. В Боснии молодые сербы – уже не просто боснийские сербы, они идентифицируют себя с Српска (Srpska), псевдо-государством, в котором они живут. Теперь то же самое происходит в Донецке и Луганске.

Сама идея о том, что мы должны знать, что думают люди – даже если и не в полной мере, ведь люди там не свободны в своих высказываниях – однозначно актуальна. Но, конечно, одно только знание, о чем думают люди на другой стороне, не означает возможность воссоединения или мира. Помимо того факта, что у Киева и Москвы могут быть свои причины сохранять статус-кво, фактом остается и то, что за последние годы ни один напрямую сопоставимый конфликт еще не закончился мирно и миром между людьми. А также не забывайте, что самая большая ложь в международных отношениях – это то, что «насилие – это не выход». В 1995 году Хорватия разрешила проблему отколовшейся сербской республики Краины, стерев ее военными силами с карты страны. В 2009 году шриланкийская армия разбила отколовшийся тамильский штат на острове. В 2020 году, спустя более половины столетия, Азербайджан нанес удар и разбил армян в Нагорном Карабахе, спровоцировав поток беженцев. Некоторые поджигали свои дома перед тем, как покинуть их. Эти сцены напоминали события Балканских войн.

В 1995 году в Хорватии один регион, который контролировали сербы, все же сдался без боя. Сербы продолжают там жить, но по-прежнему трудно сказать, произошло ли вообще примирение между ними и хорватами. Сербы и албанцы живут параллельными жизнями в Косово, так же как македонцы и албанцы живут в Северной Македонии – хотя там, несмотря на конфликт в 2001 году, во всех органах власти есть албанцы. В Боснии после войны не было убийств на почве мести, но журналисты каждый год пишут о том, что страна находится на грани войны, хотя эти прогнозы не сбылись.

Что же это все значит и какой урок могла бы из этих историй извлечь Украина?

Странно, но за эти годы после окончания югославских войн люди жили в разных мирах. С одной стороны, например, Босния – это явно нефункционирующее государство. Во всем регионе молодежь ведет националистическую риторику и так далее. И все же, и все же...

Много лет назад я брал интервью у редактора газеты в Болгарии. В завершении беседы я спросил, не знает ли он редакторов в Белграде, Загребе и других городах. Он ответил, что во время войн в 90-х годах часто с ними встречался, но потом потерял с ними связь. «Почему?», – спросил я. «Потому что им было интересно общаться только друг с другом, и они вернулись к этому», – ответил он. И я для себя понял, что неважно сколько всего было уничтожено во время войн, у людей все еще остается колоссально много общего, включая семьи и друзей, теперь разделенных новыми границами. И многое, что произошло с тех пор стало поводом для возобновления связей, начиная с семей и заканчивая бизнесом. А на высшем уровне у меня даже складывается впечатление, что чтобы они ни говорили друг о друге для своих медиа, лидеры регионов видят друг друга чаще, чем своих министров. Кажется, они ездят по региону и по Европе,

встречаются на конференциях, форумах, официальных мероприятиях и прочее чуть ли не каждую неделю. И остальные люди поступают также в какой-то мере. Если их спросить, они могут сказать, что «ненавидят» другую сторону, но все же они не прочь туда съездить в отпуск, поесть знакомой, своей еды и послушать свою музыку. В этом отношении сербы, хорваты и боснийцы, ну и другие, не думают друг о друге, как о «настоящих» иностранцах. Недавно я участвовал в конференции, где молодые исследователи из всех балканских стран обсуждали совместно написанные исследования, дискутируя об общих проблемах, обговаривая возможные пути их решения, а также обменивались данными и опытом. Такая теперь новая реальность. Большинство журналистов, политиков, священников и прочих говорят то, что должны сказать для удержания своих избирателей и сторонников, а реальная жизнь, тем временем, идет своим чередом. И в этой жизни люди просто живут.

В 2014 году я видел надвигающуюся войну так, как ее не могли видеть люди, сидевшие со мной за одним столом на том ужине в Донецке, хотя на блокпостах, уже говорили о предстоящей быстрой «победе». Никто не хотел себе признаваться в том, что либо им придется бежать, либо очень скоро они окажутся в капкане огромного изолированного и загнивающего Приднестровья или Южной Осетии. Когда Украина не пала, мне стало очевидно, что именно это и произойдет.

Поэтому теперь, естественно, хотя и важно знать, о чем думают и что чувствуют люди, важно также и трезво смотреть на ситуацию. Большинство подобных конфликтов длится не одно поколение. Киприоты говорят о воссоединении с 1974 года. Абхазия, Приднестровье и прочие существуют как отделившиеся территории уже так долго, что весь мир уже забыл, о чем изначально были эти конфликты. И все же, во всех этих зонах конфликтов неправитель-

ственные организации сыграли свою роль, сближая людей и приводя к значительным переменам. А вот политические звезды крайне редко сходятся так, чтобы с обеих сторон конфликта у власти одновременно оказались люди, у которых есть желание и возможность договариваться. Но такое все же случается, как произошло в Северной Ирландии или, например, между Грецией и Северной Македонией.

Иногда, впрочем, все кажется безнадежным. Вы собираете людей вместе, работаете над проектами, проводите исследования мнений людей..., а год проходит за годом, и кажется, что решение – далеко как никогда. А в другой плоскости люди продолжают жить своей жизнью. Опять же давление с разных сторон, подготовка аналитики, идеи, запечатанные в докладах, звучат, кажется, тщетно. Но на самом деле, каждое из этих действий – это кирпичики, из которых что-то строится, ощущается польза, идеи просачиваются из докладов на стол политиков, и каждый шаг имеет значение, изменяя ситуацию. Вот тот урок из балканской истории, который может быть важен для Украины. Конфликты как таковые могут и не иметь решения, но с ними можно работать, и улучшать жизни людей, минимизировать проявления ненависти, повышать уровень понимания. А однажды, если звезды вдруг все же сойдутся правильным образом, все может измениться кардинально, и люди уже будут готовы, потому что не будут друг другу совсем чужими.



Исследование

# **«Шесть лет за линией фронта: что люди на неподконтрольных территориях думают об Украине, войне и будущем»**

Данное исследование – это результат 35-ти интервью с людьми, которые живут в районах Донецкой и Луганской области, неподконтрольных правительству Украины. Выборка – не репрезентативна. В анкетировании участвовали люди, с которыми интервьюеры знакомы лично. Данное исследование не является полноценным опросом общественного мнения. Интервью проводились в 2018-2019гг.

## Введение

### Конфликт оказывает непосредственное влияние на

**3 000 000** жителей востока  
Украины

Линия фронта в 427 км разделяет  
подконтрольную часть Донецкой  
и Луганской области и  
самопровозглашенные  
«республики»<sup>1</sup>



Российско-украинский вооруженный конфликт на востоке Украины затронул жизни и оказал непосредственное влияние на более чем три миллиона жителей региона. Уже в течение шести лет 427-километровая линия соприкосновения и система контрольно-пропускных пунктов въезда-выезда (их всего пять на две области) разделяют людей в Донецкой и Луганской областях – тех, кто живет на контролируемой правительством территории и тех, кто находится на временно оккупированной территории. В зоне конфликта люди пострадали от войны: физически, психологически, экономически.

Человеческие страдания одинаковы по обе стороны линии соприкосновения, но их жизнь сильно отличается, особенно в отношении политической ситуации, возможностей трудоустройства и медиа-контекста. В то время как громады, семьи и друзья сохраняют связи, объективной информации о повседневной жизни людей крайне мало, и появляется она спорадически. Реальность, в которой живут люди на оккупированном Донбассе – пропаганда, милитаризация, нарушения прав человека, отсутствие свободных медиа, заблокированные пропускные пункты – способствует отчуждению. Выдача российских паспортов по упрощенной процедуре, признание дипломов и других документов, гастроли российских певцов и актеров все больше и больше включают оккупированный Донбасс в сферу влияния России. Все это способствует растущему ментальному и культурному отдалению неконтролируемой правительством территории (НКПТ) от остальной территории Украины.

Цель этой публикации – начать заполнять пробел в публичном обмене мнениями и ожиданиями через линию соприкосновения и внутри Украины, создать пространство, где могли бы быть представлены взгляды людей, живущих на неподконтрольной территории, поддерживать развитие общественной дискуссии о возможностях реинтеграции.

По многим причинам голос людей на НКПТ редко доходит до остальной территории Украины. Это исследование – своеобразная площадка для личных историй. Мы собрали мнения и мысли женщин и мужчин, проживающих за линией соприкосновения. Они рассказывают, как вооруженный конфликт влияет на их жизнь, говорят об экономических трудностях и способах выживания, об отношениях с семьей и друзьями по другую сторону линии фронта. Также, участники и участницы опроса отвечали на вопросы о том, как они воспринимают

<sup>1</sup> Самопровозглашенные «Донецкая народная республика» и «Луганская народная республика». Далее – самопровозглашенные «ДНР» и «ЛНР»



Украину и государственную власть, делились взглядами на общение и диалог с теми, кто по другую сторону. Подростки (16-18 лет) и их видение будущего представляют особый интерес в исследовании, но и особую тревогу, так как их взгляды на ситуацию, судя по всему, являются наиболее радикальными. Это исследование

может быть полезным для государственных структур и организаций гражданского общества, которые занимаются вопросами реинтеграции, диалоговыми процессами, работают с темой памяти и примирения, ищут пути для укрепления контактов между гражданскими лицами по обе стороны линии соприкосновения.

### Терминология

При использовании прямых цитат мы сохраняем терминологию участников интервью. Организация DRA или МИД ФРГ не обязательно разделяют выбор слов и высказанные мнения, представленные в этой публикации. Поскольку большинство интервью проводились на русском языке, в цитатах приводится русская транслитерация собственных имен и географических названий, которая может отличаться от официальной украинской транслитерации.

Говоря о вооруженном конфликте, мы используем разную терминологию: и международных организаций, и условный глоссарий общественных организаций, и официальную украинскую терминологию, согласно которой неподконтрольные территории называют отдельными районами Донецкой и Луганской областей Украины (ОРДЛО). Эта же терминология используется в Минских соглашениях.

## Методология

Репрезентативные данные из неподконтрольных правительству регионов Украины представлены в малом количестве из-за отсутствия доступа и из-за угроз безопасности как для социологов, так и для респондентов. Среди доступных данных – телефонные опросы, проведенные, например, в рамках инициативы REACH с акцентом на гуманитарные потребности в регионе,<sup>2</sup> опросы немецкого аналитического центра ZOIS (Zentrum für Osteuropa und Internationale Studien) в 2016 и 2019 годах на тему идентичности (гражданство, этническая принадлежность и язык) и международных связей.<sup>3</sup> Телефонные опросы проводили также украинские социологические<sup>4</sup> и аналитические центры.<sup>5</sup>

2 [https://www.impact-repository.org/document/reach/234360b4/reach\\_ukr\\_flowchart\\_eastukraine\\_cclmovement\\_20feb2019.pdf](https://www.impact-repository.org/document/reach/234360b4/reach_ukr_flowchart_eastukraine_cclmovement_20feb2019.pdf)

3 [https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS\\_Reports/ZOiS\\_Report\\_3\\_2019.pdf](https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS_Reports/ZOiS_Report_3_2019.pdf)

4 <https://nv.ua/ukraine/politics/opros-na-donbasse-radio-nv-novosti-ukrainy-50052818.html>

<https://www.radiosvoboda.org/a/donbass-realii/30259668.html>

5 <https://dif.org.ua/article/chto-dumayut-v-dnr-i-lnr-o-prichinakh-voyny-na-donbasse-opros>



35  
интервью



Возраст  
респондентов

16 - 67 лет

Среди участников  
опроса

представители  
сферы IT

представители  
сферы бизнеса

представители  
сферы образования

пенсионеры

домохозяйки

Анализ показывает, что многие стейкхолдеры часто сомневаются в достоверности исследований в районах, не контролируемых правительством. Эти сомнения основаны на небезосновательном предположении об ограниченной свободе людей на НКПТ честно выражать свое мнение, особенно если это мнение – критическое по отношению к режиму, установленному в отдельных районах Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО).

Для подготовки данной публикации были проведены 35 интервью. Для решения вышеупомянутых проблем безопасности, доверия и свободы высказываний, опросы проводились людьми, которых респонденты знали и которым доверяли. Поскольку опросники содержали вопросы о взаимодействии и общении через линию соприкосновения, мы, возможно, получили больше ответов именно от людей, которые были более открыты для диалога и взаимодействия.

Таким образом, выборка опроса не является репрезентативной. Мнения и цитаты, представленные в данной публикации, не следует воспринимать как полноценное отражение общественного мнения людей на НКПТ.

Интервью проводились в конце 2018 года и в первом квартале 2019 года. Из 35 респондентов, 19 мужчин и 16 женщин. Двадцать пять человек были моложе 35 лет. Самому молодому респонденту было шестнадцать лет, а самому старшему – 67 лет. Около половины респондентов – выпускники школ или студенты. Среди участников опроса были представители сферы образования, бизнеса, IT, два пенсионера и несколько домохозяек. Таким образом, эта нерепрезентативная выборка может дать представление о взглядах и мнениях из разных сфер жизни.

По соображениям конфиденциальности и в целях безопасности имена интервьюируемых в данной публикации были изменены. Все опрошенные приняли участие в исследовании добровольно и дали информированное согласие на использование их высказываний.



## Война стала обыденностью

Прошло более шести лет с момента начала войны на украинском Донбассе. Наши собеседники в Луганске и Донецке чаще всего говорят о конфликте в прошедшем времени, как о «событиях 2014-2015 годов», когда происходили самые активные боевые действия. Никто не говорит о том, что война закончилась: она продолжается, и во всех интервью звучат упоминания о том, что люди продолжают гибнуть и получать ранения. В то же время, многое вернулось в нормальное русло. Люди больше не видят горящих домов, переполненных больниц и тел убитых на улицах. Однако, они помнят обо всем этом и не хотят пережить это вновь. Вместе с тем, люди, особенно среднего и старшего возраста, чувствуют последствия войны в

своей повседневной жизни, будь то в отношениях с членами семьи или в ведении бизнеса. Мы проводили опрос до того, как мир оказался под влиянием пандемии. Еще тогда, без нового вируса, респонденты говорили о сложностях в пересечении линии соприкосновения. Теперь же пандемия Covid-19 сильно усугубила ситуацию и с медицинской помощью, и со свободой передвижения. С весны 2020 года жители испытывают огромные трудности, чтобы пересечь КПВВ.

И хотя по сравнению с первыми годами войны, боевые действия в меньшей мере сказываются на повседневной жизни, война все же накладывает отпечаток на повседневность.

## Разделенные жизнью в «разных мирах»

### «Крушение всей жизни»

Смерть и ранения, потеря близких и потеря дома – самые болезненные последствия войны. В Украине люди теряют родных и близких не только из-за боевых действий, но и из-за увеличивающейся ментальной дистанции между теми, кто живет в самопровозглашенных «республиках», и теми, кто находится на территории, контролируемой правительством Украины. По мере продолжения конфликта люди, находящиеся по разные стороны линии соприкосновения, живут в разных реалиях. Хотя их повседневные трудности на самом деле схожи, они проходят через эти трудности в другой обстановке и подвержены различным, иногда

противоположным влияниям. Разлуку и потерю друзей и родственников болезненно переживают многие, но тяжелее всего приходится пожилым людям. Некоторые из них неожиданно были оторваны от самых близких и дорогих.

*«Наши родители, на пороге своего пенсионного возраста, восприняли конфликт как крушение всей жизни. У нас есть родственники в Украине, и мои родители очень скучают по ним, но поехать к ним получается даже не каждый год. Связь дорогая, иногда разговаривают по Скайпу, в основном, делятся жалобами и строят догадки, что будет дальше, сможет ли наша республика [здесь и далее в цитатах сохранена терминология респондента] опять стать частью Украины».* Валерия, 30 лет.

*«Наша семья оказалась разделенной границами. Думаю, если бы не война, мы*



бы продолжали жить в одном городе, по-прежнему общались, ходили друг к другу в гости. Мы с мамой и сестрой живем в небольшом городке в ЛНР, отец уехал на заработки в Россию, на север, и мы видим его раз в год. Бабушка и дедушка уехали к своей родне в Полтавскую область. Мы все простые люди, и у нас нет денег, чтобы хоть иногда ездить друг к другу. Общаемся по Интернету или телефону. Поначалу было очень плохо, мы скучали и волновались. Но теперь привыкли. Артем, 18 лет.

«Из-за конфликта моя старшая сестра уехала с семьей на подконтрольную Украине территорию, и мы с ней не видимся: я не могу ехать через блокпосты по состоянию здоровья, а она не хочет ехать на нашу территорию. Я не вижу, как растут мои племянники, а она не видит, как растет моя дочь. Меня очень расстраивает, что мы отдалились друг от друга. Мама часто болеет, и вся помощь ей по хозяйству только на мне. (...) Моя мама – человек далекий от политики, и ей трудно понять, почему так случилось,

что старшая дочь уехала. Ей трудно принять нынешнее положение, она очень переживает и, я думаю, стрессы подкосили ее здоровье. В Украине живут ее сестра и брат, но она уже не может к ним съездить. Она считает, что Украина должна быть единой». Карина, 27 лет.

Родственные связи и дружбы разрушаются не только из-за границы контрольно-пропускных пунктов, но и из-за различных политических взглядов, интерпретаций случившегося и представлений о будущем. Политическую напряженность и несогласие также трудно преодолевать семьям, не разделенным линией соприкосновения: ссоры на почве политики возникают как между разными поколениями, так и между супругами.

«Мои бабушки и дедушки, а мама и папа в меньшей мере, имеют пророссийские взгляды, подкрепленные советским прошлым. Мне с ними порой трудно разговаривать, когда, например, дедушка начинает говорить: «Мы жили без всяких «европ», и хорошо жили. А при Украине стали нищими, а сейчас там вообще непонятно что творится, войну устроили. А вдруг тебя воевать пошлют?» У меня совсем другие взгляды, а сестры еще колеблются». Михаил, 24 года.

В то же время некоторые из наших респондентов отметили, что совместный опыт нахождения в очаге военных действий привел к большей сплоченности в обществе и укреплению связей с ближайшими родственниками. Один из молодых респондентов, 16-летний Кирилл, отметил психологические изменения, произошедшие во время активной фазы конфликта: «Когда произошел конфликт, весь народ стал более сплоченным, добродушным. В том числе и я стал более чутким ко всем и ко всему».

Антон, 18 лет, ответил резко: «Мы разругались со своими родственниками в Полтаве и,



*наоборот, стали ближе со своей семьей. В июле 2014 года украинский снаряд убил мою бабушку на квартале 50-лет Октября».*

В то время как в некоторых семьях связи, похоже, обрываются внезапно, другие интервью показывают, что разрыв отношений был медленным и постепенным. Иногда связи распадаются из-за того, что реальность становится слишком разной, а общие темы исчезают. Однако в некоторых случаях люди прекращают даже общение в сети, потому что чувствуют себя непонятыми или оскорбленными. Некоторые получили отказ, когда им была необходима помощь.

*«Я это вижу на примере собственной семьи. Машины родственники и так мало общались с нами, а теперь и вовсе не общаются, ведь мы для них – сепаратисты, предатели и сами виноваты. Так и сказали еще в 2014-м, когда мы хотели ненадолго приехать к ним во время боевых действий. Видимо, испугались, что останемся надолго. Я знаю, что многие жители Донбасса тоже попадали в подобную ситуацию». Карина, 27 лет.*

**«Мы для них – сепаратисты, предатели и сами виноваты»**

*«Мы больше не общаемся с родственниками в Чернигове, потому что они за Майдан и против нас. (...) Если судить по нашим родственникам, то нет [возможности поддерживать связь с людьми по другую сторону линии соприкосновения]. Они совсем обезумели. Там вообще мало нормальных людей. С ними не о чем говорить». Василий, 17 лет.*

*«У меня была очень хорошая подруга из параллельного класса, дружили с первого класса. После школы она поступила в вуз Днепропетровска. Первое время мы нормально общались. А потом она нашла любовь – стала встречаться с парнем, который служит в «Азове». И я сразу же стала для нее врагом, ватником<sup>6</sup> и предателем. У нее теперь другая компания, и она оборвала все связи не только со мной, но и с когда-то родным городом. Мне тоже трудно принять то, что она связана с человеком, который стрелял в нашу сторону». Оксана, 22 года.*

Тем не менее, поддержание личных связей с родственниками и друзьями через линию соприкосновения – независимо от того, насколько это тяжело – имеет решающее значение для взаимопонимания, примирения и любых усилий для реинтеграции в будущем. Хотя людям и трудно говорить о политике или ходе событий в будущем, им удается найти общие темы для обсуждения: воспитание детей, образование, студенческая жизнь. Это служит напоминанием о том, что люди по ту сторону условной границы похожи на них самих, и можно найти то, что их объединяет.

*«Остались только родственные связи. Если родители что-то политическое еще обсуждают по Скайпу, то мы с сестрами говорим только о детях, о бытовых проблемах. Мы уже 6-й год живем в разных мирах и стараемся не обсуждать личные точки зрения на конфликт, чтобы избежать ссор». Валерия, 30 лет.*

*«К примеру, моя школьная подруга учится в Харькове на фармацевта и возвращаться сюда не хочет ни при каких обстоятельствах. Но иногда мы с ней перезваниваемся или пишем в соцсетях, рассказываем друг другу об учебе, о студенческой жизни. Так могли бы общаться студенческие коллективы или какие-то группы». Елена, 21 год.*

<sup>6</sup> Презрительный термин для описания человека, склонного отождествлять себя с советскими ценностями и «русским миром». Определение, которое дает Википедия: «политически окрашенное прозвище патриотов России, поддерживающих ее правительство. Используется [...] для характеристики оппонентов с пророссийскими взглядами».

## «Военные действия вызвали шок»:

травматические воспоминания как ключевое препятствие для диалога



Многие из наших респондентов постоянно возвращались к воспоминаниям о начале войны. Несмотря на то, что с гражданской точки зрения трудно определить, кто несет ответственность за обстрел определенной территории, некоторые респонденты сообщили, что были свидетелями обстрела со стороны, контролируемой украинской армией. Они возлагают вину за личные потери на украинские вооруженные силы и добровольческие батальоны. Для некоторых этот опыт привел к радикальному изменению их политических взглядов и отказу от украинской идентичности.

*«Военные действия вызвали шок: по нашим городам стреляла украинская артиллерия. Мы с*

*ужасом смотрели на разбитые дома и плачущих людей. Я была в больнице – видела детей в бинтах, один мальчик, лет 10-ти, был без ноги. События 2014 года до сих пор в моей памяти. Наверное, это был самый сильный аргумент, чтобы понять – простой народ Донбасса не нужен Украине. Самые проворные бизнесмены и чиновники быстро сбежали в Киев, а те, кто остался, были предоставлены сами себе».* Александра, 29 лет.

*«В 2014-м я лично видела, как горел дом на соседней улице после обстрела со стороны Ждановки, где стоял украинский батальон «Донбасс». Я стояла на аллее на кладбище, где похоронены дети, которые погибли от обстрела с самолета. Вот это реальность».* Валерия, 30 лет.

Самые молодые респонденты в этом опросе (16-18 лет) наиболее резко высказывались о том, что они называют «фашистской идеологией» украинского государства. «Украинский фашизм» – часть нарратива советских,



## «Нужны ли мы Украине?»

Результаты анкетирования в неподконтрольных районах Донбасса, анализ мнений и выводы конфликтолога.

а последние 20 с лишним лет российских спецслужб и провластных российских СМИ. Фейки и манипуляции фактами – историческими и современными – множатся до сих пор. В российских нарративах все украинские националисты приравниваются к фашистам. Важно отметить, что на выборах националистические партии в Украине не проходят даже трехпроцентный барьер, то есть не имеют ни влияния, ни общественной поддержки. Тем не менее, несколько молодых людей, с которыми мы беседовали, считают, что эта идеология преобладает в Украине. Сегодняшним подросткам было 10-12 лет, когда начались военные действия. Они были свидетелями тяжелых боев, проводили ночи в подвалах, теряли друзей или родственников. Этот травмирующий опыт в сочетании с доминирующим влиянием российских СМИ, милитаристской

пропаганды в школах, а также другие факторы, сформировали их радикальные взгляды.

*«Для начала нужно свергнуть власть фашистов в Киеве и убрать украинскую армию из нашей страны».* Виталий, 16 лет.

Это короткое высказывание может вызвать бурю негодования, непонимания и злости. В то же время, это маркер ситуации и степени влияния вышеперечисленных факторов на детей и подростков в самопровозглашенных «республиках». Такие мнения можно рассматривать как предупредительный сигнал всем заинтересованным сторонам, которые содействуют диалогу и примирению. Нужны новые подходы и стратегии, чтобы избежать распространения и укрепления таких мнений, особенно среди детей и молодежи.



## «Если бы не было войны, мы были бы вместе»: семьи, разделенные безработицей и бедностью

Единицы считают, что война ничего не изменила: «поменялись только валюта и флаг», говорит Илья, 21 год.

Для большинства ситуация выглядит иначе.

«Что касается меня и мужа, то у нас жизнь сильно нарушилась, мы живем практически врозь. Сначала думали, что вот-вот заработает наша промышленность, он вернется и все будет как прежде. Но теперь мы думаем, что вряд ли конфликт быстро закончится, и нужно приспосабливаться к новой жизни, а не жить ностальгическими надеждами». Юлия, 31 год.

Муж Юлии уехал на работу в Российскую Федерацию. Также поступили многие другие, особенно мужчины, после начала вооруженного конфликта.

Донбасс всегда был индустриальным центром Украины, с большими запасами угля и предприятиями тяжелой промышленности. Хотя достоверных данных о текущей экономической ситуации на территориях, не контролируемых правительством, нет, уровень безработицы, вероятно, повысился. Большие заводы, которые были основой местной экономики (металлургические, химические, машиностроительные), либо закрылись, либо были вынуждены существенно сократить объемы производства. Одни из главных причин упадка промышленности – военные действия, экономическая блокада оккупированных территорий, введенная правительством Украины в 2017 году, а также «национализация» промышленности и предприятий «властью», поддерживаемой Россией.





## «Нужны ли мы Украине?»

Результаты анкетирования в неподконтрольных районах Донбасса, анализ мнений и выводы конфликтолога.



Трудоустройство в России не обязательно означает пророссийские политические предпочтения. Многие семьи стремятся оставаться вместе, но не всегда могут позволить себе уехать из дома вместе с детьми или жить в съемной квартире. Даже поездки для встречи друг с другом стоят дорого.

«До войны мой муж работал на крупном промышленном предприятии (...) Я работу не искала, так как вышла замуж и у нас в 2013-м родился ребенок. Квартира у нас была, доходов хватало. После войны завод перестал работать, и нужно было искать средства к существованию. Мужу пришлось ехать на заработки в Россию, он работает так и сейчас, посменно. Когда сыну исполнилось 2 года, отдала его в детский сад, а сама устроилась на работу. Зарплата у меня небольшая, хватает только на оплату коммунальных услуг. Для семьи основной доход - заработная плата

мужа. Но самое главное – ребенок растет практически без отца, его редкие приезды не могут компенсировать недостаток общения. Мы видим его, в основном, только на экране телефона, да и то 1-2 раза в неделю, ведь у него работа с выездами, где постоянно нет связи. Из-за этого наше моральное состояние хуже некуда. Куда-то в другой город переехать не можем, чтобы быть вместе все время. Во-первых, нам не хватит заработка оплачивать съемную квартиру, во-вторых здесь живут мои родители и мама мужа, которым требуется помощь». Валерия, 30 лет.

«Мой отец раньше работал на крупном заводе, но после начала военных действий завод почти не работает. И он уехал на заработки в Россию. Платят хорошо, но он работает посменно и редко бывает дома. Мы с мамой его видим в основном по Скайпу. Много мужской домашней работы теперь на мне. Скучаем по нему очень. Бабушка – мама отца – часто плачет, ведь он работает так далеко от дома, и даже на праздники редко случается увидеться. Если бы не война, наша семья была бы вместе». Андрей, 17 лет.

«Перед самой войной я трудоустроился на металлургический комбинат после службы в армии и учебы в техникуме. Была хорошая работа и хорошая зарплата. Я встретил хорошую девушку, и мы мечтали создать семью. Думал, что главный вопрос – как содержать семью – у меня уже решен. Однако после начала военных действий завод перестал работать. Моя девушка уехала с родителями в Харьковскую область, в село. Приходилось заниматься чем угодно, чтобы заработать. Вместе с отцом ездил на «шабашки» в Россию, на строительные работы. Игорь, 29

В отличие от предыдущих, история Игоря закончилась хорошо. Завод, на котором он работал, в конце концов возобновил работу.



«Теперь завод вновь открыли, и я вернулся на свое рабочее место. Но комбинат работает нестабильно, зарплата оставляет желать лучшего. Живем надеждой, что наша промышленность все же возродится. В прошлом году у меня появилась своя семья – с Украины вернулась моя девушка, и мы поженились. За эти годы она много раз приезжала ко мне, а я ездил всего несколько раз, потому что молодым людям ездить через блокпосты опасно из-за повышенного внимания военных с обеих сторон. Теперь мы вместе живем в родном городе. О детях пока не думаем, слишком много разных проблем. Я думаю, что, если бы не война, мы поженились бы намного раньше, возможно, смогли бы купить жилье и уже были бы дети». Игорь, 29 лет.

В то же время, несколько респондентов отметили, что ситуация в регионе улучшилась, и появились новые рабочие места.

«До войны мой муж работал на копанке по добыче угля – без официального оформления,

в очень страшных и небезопасных условиях. Имея образование сварщика, не мог устроиться на завод, где работал его отец, и он сам хотел бы работать. Не было вакансий. Можно было, конечно, дать большую взятку, но у нас не было денег. Теперь он работает на этом заводе без всяких взяток, хотя зарплата здесь меньше, чем до войны. Зато мы не боимся за его жизнь». Карина, 27

Это может быть связано с общим сокращением населения и, как следствие, снижением конкуренции за места, с реальным изменением ситуации, или же это следствие влияния местных СМИ. Однако очевидно, что ассоциации с коррупцией преобладают в сознании людей, когда они говорят о работе, образовании и государственных услугах в довоенное время.

«Я сейчас учусь в медицинском вузе на бюджете. Это было моей детской мечтой, но при Украине это вряд ли бы стало возможным из-за коррупции. Сейчас поступить намного легче, проще проходить практику, есть вакансии на работу». Елена, 21 год.

## «Брошены украинским государством»

«Почему, чтобы получить честно заработанную пенсию, я должен стать фиктивным переселенцем?»

*«На Украине наша жизнь никому не интересна. Нас привыкли считать «другими», зачем мы им нужны?» Валерий, 18 лет.*

В своих ответах люди ссылались на трудности, с которыми они сталкиваются, пытаются получить доступ к украинским государственным услугам. В первую очередь, пересечение линии соприкосновения само по себе является изнурительным путешествием. Несмотря на то, что с годами ситуация улучшилась, люди до сих пор жалуются на отсутствие инфраструктуры, долгие часы ожидания с обеих сторон, унижительные ограничения на перевозку товаров. Когда им, наконец, удастся добраться до контролируемой правительством стороны для получения услуг, они часто сталкиваются с дискриминацией. Доступ к пенсии является одним из наиболее показательных примеров. Для тех, кто зарегистрирован на территории, не контролируемой правительством, право на пенсию все еще связано с регистрацией внутренне перемещенного лица (ВПЛ), несмотря на многочисленные адвокационные кампании гражданского общества в Украине и международного сообщества, призывающие обеспечить равный доступ к пенсии для всех граждан Украины.

*«Почему для того, чтобы получить честно заработанную пенсию, я должен стать фиктивным переселенцем? Давайте называть вещи своими именами. Чтобы избавить нас от унижения, в Пенсионном фонде можно было бы создать отдельный отдел, который будет вести учет пенсионеров, проживающих в ЛНР и ДНР. Чтобы нас видели воочию - мы и так приезжаем каждые 2*

*месяца в банк. Он государственный, так же, как и Пенсионный фонд. Разве нельзя наладить обмен информацией? Это реальное дело, и все это можно сделать, только в Украине никто не хочет этим заниматься, так как выглядит «непатриотично». Денис, 67 лет.*

Многие респонденты чувствовали если не нападки, то пренебрежение или даже унижительное отношение со стороны украинской власти.

*«Чем больше проходит времени, тем больше отделение Донбасса от Украины, и вернуть это будет невозможно. Я спросил бы, почему Украина не слушала своих граждан, а пошла на них войной?». Кирилл, 29 лет.*

Распространенные мнения о бездействии украинских властей контрастируют с информацией, которую имеют местные жители о поддержке, оказываемой Российской Федерацией и так называемой «властью», отвечающей за неподконтрольные правительству территории.

*«В самое страшное время, в конце 2014-го и 2015-м году наших людей спасали гуманитаркой – Россия (правительство и множество обычных людей), Красный Крест и Ринат Ахметов (надеюсь, что вскоре вернется), но не правительство Украины. Многие из нас поняли, что это предательство». Александра, 29 лет.*

*«В ДНР уже несколько лет действует программа по воссоединению народа Донбасса. С украинской стороны к нам могут приехать жители – их бесплатно лечат в лучших клиниках, они участвуют в культурных и спортивных мероприятиях, конкурсах с хорошим призовым фондом. Эти люди имеют возможность проявить свои таланты, получить образование, сделать сложные операции в медучреждениях. Однако украинская сторона подобной программы не имеет. Так нужны ли мы Украине?». Галина, 40 лет.*

<sup>7</sup> В действительности в разных регионах Украины есть целый ряд программ помощи ВПЛ. В ноябре 2017 года Кабинет Министров Украины утвердил Стратегию интеграции внутренне перемещенных лиц и внедрения долгосрочных решений касательно внутреннего перемещения до 2020 года. План действий по внедрению Стратегии был утвержден в 2018 году. На основании этого плана каждая область разработала специальные программы интеграции ВПЛ, в частности, по жилью, образованию, трудоустройству.



### «Так нужны ли мы Украине?»

Респонденты писали о том, что чувствуют, что их игнорируют не только государство или армия, но и обычные люди, такие же, как они сами.

*«Иногда бесят высказывания «друзей» по какому-нибудь отвлеченному от политики поводу, но с едкими комментариями о жителях Донбасса. Понимаю, что они – жертвы пропаганды и стараюсь не отвечать». Елена, 21 год.*

*«Например, мои украинские родственники ни за что не соглашаются к нам приехать, они запуганы пропагандой, что тут живут одни бандиты и мародеры». Валерия, 30 лет.*

## «Мы жили вместе»: как люди видят Украину

### «Даже если Донбасс и вернется, так, как было, уже не будет никогда»

Большинство респондентов думают об Украине как о чем-то из прошлого. Они говорят: «Мы жили в Украине» или «когда это была Украина». Сейчас они живут в «республиках», и это – их реальность и единственная доступная институциональная связь между ними и территорией, на которой они живут. Возможность возвращения в Украину звучит туманно, как и возможность объединения с Россией. В целом респонденты говорили о будущем неопределенно и неоднозначно.

*«Конечно, жить в непризнанной республике сложно. И многие люди испытывают ностальгию по более спокойным временам в Украине, но все мы понимаем, что даже если Донбасс и вернется, так как было, уже не будет никогда». Александра, 29 лет.*

Все респонденты выразили смешанные чувства по поводу Украины. Те, кто имеет крепкие семейные или любые другие связи с согражданами по другую сторону линии соприкосновения, настроены более позитивно. Те, кто потерял близких в военных действиях, считают украинцев главными виновниками в этом конфликте. Почти все респонденты считают, что в современной Украине доминирует национализм. Многие отмечали дискриминационное отношение к людям с Донбасса.

Подавляющее большинство участников опроса – русскоговорящие. Однако многие пытались деполитизировать языковой вопрос. Сказав, что русский – их родной язык или что они говорят, в основном, по-русски, некоторые отметили свою эмоциональную привязанность к украинскому языку и культуре. У многих есть украиноязычные родственники в расширенном семейном кругу или бабушки и дедушки.

*«Для меня всегда были близки и русская, и украинская культуры. Конечно, родной язык – русский, но и украинский был не чужим. Когда моя большая семья собиралась за празднич-*

ным столом, старшие пели украинские и русские песни. Бабушка разговаривает до сих пор по-украински, как всегда. Сейчас все коммуникации, что происходят в городе и на заводе – только по-русски». Кирилл, 29 лет.

Языковой вопрос, однако, не может существовать полностью вне политического и военного контекста. Некоторые из наших респондентов отмечали, что хотя они и стараются не воспринимать язык в негативном ключе, украинский язык вызывает ассоциации с войной и агрессией.

«У нас было городское мероприятие о дружбе народов Донбасса, и каждая школа должна была рассказать на сцене о людях какой-то национальности, проживающей в Донбассе, ведь у нас многонациональный край. Во время праздника на сцене показывали греков, азербайджанцев, грузин, русских, но не было украинцев. Как рассказала моя подруга из соседней школы, именно им нужно было рассказывать об украинцах. Но никто не захотел. Несколько детей стали плакать – потому что на фронте погибли их отцы и братья, а у кого-то разрушен дом... Я думаю, пройдет еще очень много времени, пока ситуация как-то стабилизируется. Конечно, мы все понимаем, что украинский язык и культура ни при чем, но именно на украинском языке звучали угрозы в адрес Донбасса. Поэтому до сих пор, если кто-то заговорит по-украински в обычной жизни, на него смотрят с предубеждением». Дарья, 16 лет.

Тем не менее, молодые люди, которые вот-вот закончат школу в самопровозглашенных «республиках», не отвергают вариант поступить и учиться в университетах Украины.

«После окончания техникума я не планирую оставаться дома. Я хочу поступить в университет по своей специальности в Днепрпетровске или Харькове. В большом городе, где развита промышленность, надеюсь найти хо-

рошее трудоустройство. Родители не против такого решения, даже наоборот. Я хочу жить в стране с привычным укладом жизни, где молодежь может развиваться, строить карьеру или открывать свой бизнес, где можно больше заработать. В дальнейшем хотел бы поехать в какую-нибудь европейскую страну, найти хорошую работу». Андрей 17 лет.

Однако это было не самым популярным мнением среди наших респондентов. Многие подчеркивали, что не собираются жить и работать в Украине, в основном, «из-за туманных экономических перспектив и национализма».

Некоторые планировали переезд в Россию, так как они (или их семьи) считают, что молодые люди могут найти там более высокооплачиваемую работу. Многие ценят тот факт, что в России признаются дипломы и документы об образовании, выданные в так называемых «ДНР» и «ЛНР».

«Я хочу поступить в МГУ на факультет международных дел, стать полноправным гражданином России и жить полноценной жизнью». Василий, 17 лет.

Некоторые из респондентов, в основном из Донецка, сказали, что предпочли бы остаться в родном городе, утверждая, что у них и там много возможностей.

«Родители уговаривают меня подумать о переезде в Россию, ведь там зарплаты намного выше и легче сделать карьеру. Сделать это с дипломом российского образца, какой нам выдают сейчас в медуниверситете, будет несложно. Но я не хочу уезжать из родного дома». Елена, 21 год.

«Можно остаться в Донецке, тут хватает учебных заведений на любой запрос – можно учиться на бюджете или на контракте – в этом случае будет намного дешевле, чем в Украине



или России. Те, кто планирует учиться и затем остаться в Украине или России, стараются проявить себя по максимуму уже во время учебы, ведь любой приезжий, и так было всегда, должен доказать свою состоятельность. Те, кто едет в Украину, готовятся и по языку, если школьных уроков недостаточно, можно найти репетитора. Ведь абитуриенты, заканчивая школу, сдают единый экзамен, в том числе и по украинскому». Елена, 21 год.

Больше, чем трудностей, связанных с языковым вопросом, молодые люди опасались, что на них навесят ярлык «ватников», будут воспринимать как врагов или оказывать моральное давление.

«В начале военных действий я как раз заканчивала школу. А потом мы уехали на украинскую территорию. Нужно было подавать документы в вуз, а в Донецк было страшно возвращаться, хотя я давно мечтала учиться в Донецком университете на филологическом факультете. Чтобы не терять год, пришлось сдать документы в Мариупольский университет. Год прошел, но по настоянию родителей я осталась там учиться дальше. Через три года у нас ликвидировали кафедру русского языка, и осталась одна украинская филология. Все четыре года учебы стали для меня настоящим адом. Я могла при-

ехать домой только на каникулах - из-за трудностей преодоления линии разграничения. У меня была только одна подруга из местных, все остальные подставляли как могли только потому, что мои родители живут в ДНР, и для меня было испытанием высиживать на заполитизированных мероприятиях, общаться с приезжими творческими деятелями, которые превозносили украинскую нацию. Не могла дожидаться, когда получу диплом и уеду оттуда. Теперь я работаю в Донецке, в прекрасном коллективе, где нужны мои филологические способности и знание языков (русский, украинский, английский, польский). Я развиваюсь, учусь, общаюсь с партнерами по всему миру благодаря IT-технологиям. И живу в любимом городе». Оксана, 24 года.

Хотя случай Оксаны не уникален, есть и положительные примеры, когда студентов из Донбасса принимали в студенческие и другие сообщества, и им легко удавалось интегрироваться.

«Мои знакомые ребята, которые поступили учиться в университеты в Киеве и Харькове разное рассказывали об отношении к ним. Одних откровенно травили, у других было много друзей. И отношение к ним было совсем не из-за языка». Геннадий, 17 лет.



## «Что может нас сблизить? Объективная информация»

Отсутствие доступа к информации, отсутствие объективной информации и недоверие к новостям и аналитике с другой стороны создают благодатную почву для манипуляций и пропаганды.

В ходе опроса мы получили мнения людей, которые имеют доступ к украинским СМИ, но не доверяют им; тех, кто не имеет доступа к украинским СМИ, и тех, кто в получении информации с другой стороны полагается скорее на межличностное общение, чем на медиа-источники.

Многие респонденты отмечали, что украинское телевидение звучит слишком националистически, слишком высокомерно и не имеет такого содержания, с которым люди на территориях, не контролируемых правительством, могли бы идентифицировать себя. «Кажется, им нужна территория, но не люди, живущие на ней», – с горечью рассказывает один пожилой человек.

Те люди, которые потеряли доступ к украинским СМИ из-за того, что они заблокированы на неподконтрольных территориях, говорят о невозможности найти и получить доступ к достоверной информации, которая не является предвзятой или политически окрашенной. В условиях, когда украинское телевидение и радио заблокированы (а люди активно не ищут новости с другой стороны), они получают новости из российских или местных СМИ, или благодаря «сарафанному радио», что приводит к глубокому недоверию. По словам Николая (42 года), единственным надежным источником информации остается прямой контакт с людьми, живущими по другую сторону линии соприкосновения.

*«Политики уже добились того, что нам не очень интересны новости Украины (по телевизору), а жителям Украины – как живем мы. Нарастает отторжение двух обществ. Люди уже заряжены пропагандой и просмотр информационных программ другой стороны превращается в «пятиминутку ненависти». Что нас может сблизить? Объективная информация. Но*



«Люди уже заряжены пропагандой и просмотр информационных программ другой стороны превращается в «пятиминутку ненависти». Что нас может сблизить? Объективная информация»

ее практически нет, вернее, она недоступна. Из объективных информационных источников осталась только статистика, но воспринимать ее (хотя бы относительно доступную) мешает та же пропаганда». Галина, 40 лет.

[Люди могут противостоять пропаганде, если будут] «учиться отделять факты от пропаганды; читать разные источники, делать свои выводы. Из-за военного положения многие источники оказались заблокированы (ТВ, сайты) или засекречены (статистические данные, социологические опросы), так как содержащаяся в них информация может повлиять на настроения жителей. Так, практически все телеканалы – что в Украине, что в Донецке – любой доступный факт превращают в пропаганду. Поэтому власти тут и там «вражеские» каналы отключили: одних людей пропаганда «перетаскивает» на свою сторону, других – раздражает и отвращает. Но это мнимая стабильность, всю жизнь люди не смогут жить только в «своих мирах». Дело не в Интернете или спутниковом телевидении, где можно смотреть абсолютно любые каналы, а в настрое людей. Хорошим средством от пропаганды считаю личное участие – люди должны ездить друг к другу, чтобы своими глазами видеть все то, что происходит, а потом делать выводы», говорит Николай.

Во время опроса люди говорили о необходимости общаться с соотечественниками по другую сторону линии соприкосновения. Существует общее понимание того, что поскольку уже шесть лет люди живут в разных реалиях, диалог должен начинаться как можно скорее. Некоторые высказывают мысль о том, что начинать или расширять общение и контакты необходимо, так как война не будет длиться вечно, и людям придется жить друг с другом. Многие согласны с тем, что существует множество стереотипов и противоречивых представлений о ситуации, которые можно преодолеть лишь постепенно. В то же время, люди, живущие на неподконтрольных территориях, поделились ощущением, что люди из других уголков Украины не желают разговаривать с ними на равных.

Наши респонденты предлагали различные формы общения между людьми, живущими по разные стороны линии соприкосновения: встречи для молодежных групп, совместные визиты, общение онлайн.

«Можно общаться по Интернету, телефону или съездить в гости. Все, кто ездит к родне, безусловно, общается не только с ними, возникают спонтанные разговоры: «Как вы там живете?» На бытовом уровне людям интересно. А вот на уровне политиков или общественных деятелей – все ищут только плохое. Если найдутся такие команды людей, которые восстановят нормальные отношения в гражданском обществе – буду только приветствовать. Сейчас такая ситуация, что одна и та же проблема может по-разному восприниматься там и тут. Главное – не навязывать решений, которые противоречат убеждениям. Иначе ничего не получится». Вадим, 51 год.

Звучали также и сомнения насчет целесообразности такого общения. Многие осторожны и думают о потенциальных рисках, но некоторые, особенно те, кто потерял близких в военных действиях, отвергают идею диалога с украинской стороной.

## Общение через линию соприкосновения: риски и опасения

«Если ездить друг другу, тоже есть риск. Если это делать слишком открыто, у меня в Донецке, например, могут спросить, зачем я ездила слушать националистов. Может, тебя завербовали? Ну а с Украины к нам никто вообще не приедет – все слишком запуганы «агрессорами» и «боевиками». Думаю, над людьми и тут, и там слишком довлеют выработавшиеся за 5 лет стереотипы.

Их ликвидация могла бы стать актуальной». Оксана, 22 года.

Однако, несмотря на надежду, с которой некоторые говорили о возможных встречах или диалоговых инициативах, были высказаны многочисленные опасения в отношении практической организации реальных встреч, ориентированных на примирение.

### 1. **Продолжающиеся военные действия**

«Тема личной безопасности еще слишком острая. Ну и пока продолжаются обстрелы вдоль линии разграничения, любая поездка через КПП – физический риск». Оксана, 22 года.

### 2. **Страх преследования со стороны силовых структур**

Довольно часто респонденты упоминали о риске допросов или преследований со стороны службы безопасности или пограничников. Некоторые беспокоятся о возможных попытках заставить их сотрудничать со службами безопасности.

### 3. **Боязнь политических и социальных последствий**

Некоторые были обеспокоены тем, что участие в таких встречах, даже не выражая проукраинских политических взглядов, может привести к потере работы или ограничению возможностей для получения образования. Другие упоминали об осуждении и неодобрении со стороны соседей, одноклассников или коллег. Такой социальный климат охлаждает интерес, препятствует контактам и еще больше отдаляет НКПТ от остальной Украины.



#### 4. **Боязнь не быть услышанными или понятыми**

*«В таком общении нет никаких рисков, если вы не обсуждаете это с соседями или одноклассниками. Они могут неправильно понять и стать подозрительными. Это может закончиться конфликтом или чем-то похуже». Геннадий, 17 лет.*

*«Сейчас с обеих сторон высказать точку зрения, отличную от официальной провластной – крамола, в лучшем случае просто выгонят с работы или соответствующие органы «проведут беседу», а в худшем – тюрьма». Нина, 51 год.*

Помимо опасений по поводу безопасности и политических последствий, люди опасаются стереотипов.

*«Жители республик однозначно обозначаются или как террористы, или как жертвы. Нас никто не воспринимает как равных (...) в Украине никто не хочет слушать, что думают жители республик о будущем своих территорий. (...) Есть такие риски, как нежелание понимать и вникать в суть; превалирование личной точки зрения и непринятие оппонента». Надежда, 65 лет.*

*«Людам будет трудно говорить на эти темы, потому что слишком многое мы пережили, и многие вещи от нас не зависят. Возможны ли у нас преследования? Да, если мы предадим свои ценности и будем нарушать законодательство». Кирилл, 29 лет.*

Проблемы безопасности, особенно страх политических преследований, звучат серьезно. Даже несмотря на то, что люди верят в потенциальное позитивное воздействие диалога, реальные встречи, посвященные целям построения мирных отношений, часто воспринимаются как слишком опасные.

## Рекомендации.

### Начиная диалог: что (не)стоит делать

На данный момент, особенно в условиях пандемии и карантина, онлайн-коммуникация рассматривается как более реалистичный вариант. Одна из идей заключалась в организации специальных групп или форумов в социальных сетях, где такое общение через линию соприкосновения можно было бы поддерживать и фасилитировать. Люди считают, что сосредоточение внимания на практических вопросах, которые отвечают общим интересам, позволило бы взаимодействовать, избегая стереотипов и дискуссий о конфликте. Многие рассматривали политику (в широком смысле) как разделяющую силу и предпочли бы держаться от нее в сторо-

не. Некоторые молодые люди в нашей выборке, которые имели бизнес, выразили заинтересованность в изучении возможностей в своей отрасли или встречах с потенциальными партнерами. Молодых матерей интересовали темы, связанные с воспитанием и образованием, а также со здравоохранением. Выпускники могли бы узнавать об образовательных возможностях на подконтрольной территории.

Следующие предложения отражают предпочтения и рекомендации наших респондентов по общению с людьми по другую сторону линии соприкосновения.

**Эти рекомендации могут быть полезны медиаторам и фасилитаторам диалога для создания безопасного пространства для общения и восстановления связей.**

- В качестве меры укрепления доверия общение стоит начинать с вопросов, представляющих общий интерес для сторон в диалоге. Это могут быть возможности для бизнеса, спорт, досуг, студенческая жизнь, здравоохранение и образование. Политику следует обсуждать только на последующих этапах. Поощрение политических дискуссий без долгосрочного, деликатного и сложного процесса укрепления доверия может подорвать весь процесс. В то же время, двое участников опроса (в возрасте 45 лет и старше) предложили обсудить вопросы, непосредственно связанные с конфликтом, в том числе вопросы идентичности.
- В диалог стоит вовлекать людей, искренне для него открытых. Поскольку предрассудки рассматриваются как препятствие, люди, участвующие в диалоге, должны специально готовиться к этому процессу, научиться слушать и принимать мнения других. Важно заранее согласовать терминологию. Ненадлежащие формулировки могут рассматриваться как навязывание иной точки зрения и могут положить конец процессу.



- **Беспристрастные субъекты гражданского общества лучше всего подходят для организации процесса диалога.** Те, кто говорит, что встречи в рамках диалога возможны, часто выражают надежду на то, что общественные организации, группы активистов или гуманитарные организации, имеющие мандат на работу по обе стороны линии соприкосновения, возьмут на себя ведущую роль в организации таких встреч.
- **Поскольку очные встречи становятся все менее реалистичными, следует искать нестандартные способы вовлечения людей.** Некоторые респонденты предложили простые информационные и просветительские кампании, такие как отправка друг другу поздравительных открыток.

*«Как найти достойную работу, реализовать свои способности. Можно было бы сделать виртуальную техническую школу для подростков, где в интересной форме можно овладеть азами программирования, технического творчества. Так можно найти талантливых детей и потом приглашать их в профильные вузы». Михаил, 24 года.*

- **Поощрять развитие уже существующих контактов.** Люди, которые поддерживают более тесные личные связи со своими родственниками и друзьями по другую сторону линии соприкосновения, также более открыты для дальнейшего общения. В ответах респондента звучало, что все начинается с личного общения и непредвзятого отношения.

*«С друзьями обсуждаем все, что и раньше – о музыке, компьютерных играх, фильмах, спорте. Иногда меня не понимают, когда рассказываю о жизни здесь. Спрашивают, почему мы не выехали? Я не хочу обсуждать политические вопросы, так как мало в этом разбираюсь. Интересует тема – как выжить студенту-переселенцу, возможно есть какие-то специальные программы помощи. Например, если я поеду поступать в Украину и останусь, меня могут забрать в армию, этого боится мама. Я не против службы в армии, но я не хотел бы попасть в зону боевых действий». Геннадий, 17 лет.*

- **Инициативы гражданского общества, способствующие встречам и общению, должны быть долгосрочными, хорошо спланированными и систематически работать с отобранными целевыми группами,** поскольку обучение умению слушать, преодолевать стереотипы и развивать отношения – это долгий процесс.



## Заключение

Данное исследование показывает, что разрыв между людьми, живущими по разные стороны линии фронта, увеличивается. Люди до сих пор много думают об Украине и обсуждают ее, но в основном с позиции посторонних. Такое ментальное разделение станет серьезной проблемой, когда территория вернется под контроль украинской власти.

### **Подводя итог, можно сделать следующие выводы:**

- Многие политические инициативы, реализованные правительством Украины с самого начала конфликта, усилили отчуждение
- Подростки выражают наиболее радикальные и зачастую антиукраинские взгляды, когда их спрашивают о вооруженном конфликте, их будущем и возможном примирении
- Те, кто потеряли близких, склонны винить в страданиях гражданского населения украинскую армию и правительство
- Люди, которые поддерживают регулярные контакты с семьей и друзьями на контролируемой правительством территории, наиболее открыты для диалога с другой стороной

Очевидно, что диалоговые инициативы сами по себе не смогут снять все напряжение и разрешить укореняющиеся противоречия. Для создания предпосылок будущей реинтеграции необходимы меры на государственном уровне, направленные на то, чтобы и завоевать сердца и умы, и обеспечить равный доступ к правам и услугам всех граждан Украины, где бы они не проживали.



**Эссе украинских  
журналистов, выходцев  
из Донбасса, о мнениях,  
высказанных в исследовании**

## С точки зрения «исключенных»



**Алиса Сопова**

дончанка, журналистка, аспирантка факультета антропологии Принстонского университета.

Когда заходит речь о жителях неподконтрольных территорий, мне всегда задают один и тот же вопрос: «Какую сторону конфликта они поддерживают?» Я отвечаю, что большинство людей не поддерживают никого, а если и поддерживают, то это не имеет такого большого значения, как кажется со стороны.

Не все венгры поддерживают Орбана. Не все турки поддерживают Эрдогана. Более того, говоря о венграх или турках, мы почему-то не ожидаем, что вся их жизнь должна сводиться к их политическим взглядам. Когда на президентских выборах в США победил Дональд Трамп, многие американцы демократических взглядов были в ужасе и утверждали, что они больше не хотят жить в этой стране и эмигрируют в Канаду. Однако на практике никто, конечно же, не эмигрировал, потому что реальная жизнь гораздо сложнее, чем подобные утверждения. В реальной жизни всем нужно ходить на работу, выплачивать кредиты, делать ремонт, водить детей в школу, помогать пожилым родственникам. Политические взгляды (хоть о них и увлекательно бывает поспорить) находятся где-то в конце этого списка. Поэто-

му никто не считает, что каждый американец, который не уехал из страны, автоматически согласен со всем, что пишет Трамп в своем Твиттере. Однако по отношению к жителям неподконтрольных территорий в Украине преобладает именно такое упрощенное восприятие. Мы слишком мало знаем об этих людях и слишком редко слышим их голоса, чтобы осознать, что их жизни и взгляды гораздо сложнее, чем вопрос поддержки одной или другой стороны.

Данное исследование – уникальная возможность хотя бы отчасти исправить эту несправедливость, и оно достаточно корректно отражает доминирующие настроения в самопровозглашенных «республиках» как их вижу я. Важно обратить внимание на то, что основные мотивы в цитатах из интервью – не сепаратистская мобилизация (как обычно представляется стороннему наблюдателю), а ощущения беспомощности, предательства, несправедливости. Эти чувства направлены не только на государство Украина, но и на местные власти и правоохранительные структуры, которые в 2014 году бросили население на произвол судьбы, и на сепаратистские власти, и на собственных родственников и друзей, которые отказали в помощи и поспешили обвинить пострадавших в том, что они «сами виноваты».

При обычных обстоятельствах, мы живем с осознанием того, что существуют некоторые общественные институты, которые защищают нашу жизнь и достоинство: закон, мораль, общество, государство. Пусть нам не всегда нравится наше государство, но мы все же ожидаем, что оно обеспечит наши основные права и не позволит нам, например, быть безнаказанно убитыми. Однако у большинства людей, живущих в зоне военных действий в восточной



Украине, и особенно на неподконтрольных территориях, это осознание в какой-то момент рухнуло, и рухнуло достаточно болезненно. Они оказались фактически вне закона, и это, на самом деле, очень страшно. Я сама хорошо помню свои ощущения в 2014 году. Самым пугающим фактором была даже не столько сама физическая опасность, сколько ощущение, что я внезапно оказалась в какой-то отдельной категории, и из-за этого я не имею такого же права на жизнь и достоинство, как мои сограждане в Харькове или Черновцах.

Эта ситуация, конечно же, не уникальна для Украины. Итальянский философ Джорджо Агамбен предложил термин для описания такого положения вещей – состояние исключения (state of exception) – когда отдельные категории населения официально лишаются прав и объявляются вне закона. Как правило, это происходит в чрезвычайной ситуации, когда государство пытается оправдать насилие против той или иной категории населения или нежелание защитить определенную группу граждан, когда она находится в опасности. Классический пример состояния исключения по Агамбену – фашистские концлагеря. Однако и в современном мире существует множество примеров людей, к которым оказывается «позволительно» относиться так, как будто они не совсем такие же люди, как мы: беженцы, нелегальные мигранты, жители черных гетто в США. Цитаты из интервью наглядно иллюстрируют, как состояние исключения работает в ситуации вооруженного конфликта в Украине и какие реакции оно вызывает у самих «исключенных».

Что же это за реакции? Выдержки из интервью в очередной раз подчеркивают важный аспект войны в Украине, о котором говорят все эксперты, знакомые с ситуацией: этот конфликт характеризуется необычно низким уровнем враждебности между обычными людьми по разные стороны линии разграничения. Это

очень хороший знак, и это может стать основой для потенциального воссоединения. Более того, мы видим, что многие из респондентов интуитивно предлагают именно те решения, которые обычно лежат в основе профессиональной медиации: прямой диалог между обычными людьми по разные стороны, в обход ангажированных официальных средств коммуникации; фокус на практических вопросах (образование, бизнес), а не на политике; «не навязывать решений, которые противоречат убеждениям». Это здоровый подход.

В то же время, интервью отражают и противоположную тенденцию: люди по разные стороны линии разграничения все больше живут в разных реальностях, подвержены противоположным идеологическим воздействиям. Стороны, заинтересованные в урегулировании конфликта и восстановлении статуса спорных территорий (в первую очередь, Украина) должны делать все для того, чтобы сгладить идеологические противоречия и наладить связи через линию разграничения. К сожалению, пока что доминирует противоположный подход – стигматизация и отторжение граждан Украины, живущих на неподконтрольных территориях.

Цитаты из интервью наглядно иллюстрируют результат такой политики: разрыв между подконтрольными и неподконтрольными территориями увеличивается буквально на глазах. Существующие идеологические противоречия и новые меры, направленные на взаимную изоляцию с обеих сторон, превращаются в порочный круг. С каждым эпизодом коррупции и унижения на блокпостах, с каждой невыплаченной пенсией, с каждым ангажированным выпуском новостей Украина теряет остатки поддержки среди населения неподконтрольного Донбасса – поддержки, без которой она едва ли сможет восстановить свою территориальную целостность.

Чтобы переломить эту тенденцию и перейти от отторжения к диалогу, государство должно, в первую очередь, пересмотреть свою центральную идею о жителях неподконтрольных территорий: это наши сограждане, которые оказались в беде, а не предатели и «ненадежные элементы». Даже если жители неподконтрольных территорий говорят или делают что-то, что нам не нравится, нужно понимать, что мы имеем дело с людьми, которые пережили психологическую травму, а их вера в справедливость подорвана. Нотки цинизма, озлобленности, радикальные высказывания необходимо оценивать именно с этой точки зрения, а не трактовать их как признаки некой моральной деградации или политической ущербности (а именно такие трактовки пока что преобладают в украинском информационном пространстве).

В то же время, важно не ударяться в противоположную крайность. Как справедливо подметила одна из респондентов, «Жители республик однозначно обозначаются или как террористы, или как жертвы. Нас никто не воспринимает как равных». Эта проблема актуальна не только для Украины, но для гражданского населения практически в любой зоне военных действий. Люди, пострадавшие от войны, зачастую воспринимаются как «бедные и несчастные», но не как «такие же люди, как и мы». Это – еще одно проявление состояния исключения, пусть и в более «благосклонной» форме. Начиная диалог с жителями неподконтрольных территорий, важно помнить, что все люди имеют равное право на уважение их человеческого достоинства, даже если они пережили травму или придерживаются отличных от наших политических взглядов. Точно так же, государство обязано обеспечить безопасность и соблюдение прав этих людей не из жалости или потому, что они «политически благонадежные», а потому, что они являются гражданами и имеют равные права с жителями Киева или Винницы.

Конкретные меры, которые Украина как государство могла бы предпринять для того, чтобы наконец повернуться лицом к своим гражданам на неподконтрольных территориях, давно известны, их список можно найти в каждом отчете каждой гуманитарной и правозащитной организации, работавшей в стране за последние шесть лет: возобновление пенсий и социальных выплат, признание документов, выданных сепаратистскими де факто властями, облегчение проезда через блокпосты, улучшение транспортного сообщения, снятие экономической блокады. Однако все это едва ли возможно до тех пока не произойдет радикальный перелом в государственной и общественной позиции по отношению к жителям неподконтрольных территорий, пока они не будут выведены из состояния исключения.

Важно не столько список мер, сколько готовность идти навстречу и подстраиваться, помогать людям, а не выставлять препятствия в каждом конкретном случае. Наглядным примером может послужить ситуация с правилами поступления в украинские вузы для абитуриентов с неподконтрольных территорий. По неизвестной мне причине, это – единственная ситуация, в которой Украина проявляет гибкость и понимание: абитуриентам разрешают сдавать ВНО в специальном порядке; их принимают заочно в школы на неподконтрольной территории, чтобы они имели украинские аттестаты; в этом году для них даже ввели специальные квоты. На мой взгляд, эта ситуация демонстрирует простой факт: когда Украина хочет пойти навстречу жителям неподконтрольных территорий, она это делает, и без особых проблем. Этот подход должен быть распространен и на остальные «бытовые» сферы взаимодействия между подконтрольными и неподконтрольными территориями. Пока что проблема заключается не в незнании, что делать, а в нежелании делать что-либо в принципе для жителей самопровозглашенных республик.

# Откопать лет через сто? Как на отдельных частях Донецкой и Луганской областей почти не осталось Украины



**Юлия Абибок**

журналистка, соискательница степени PhD  
(медиа и коммуникации)

Андрей высыпает украинские монеты из копилки в глиняный горшок. Заливает парафином из расплавленной свечи. Это будет клад.

На самом деле его мелочь ничего не стоит. В Донецке, где живет Андрей, украинская валюта давно вытеснена российским рублем. На свободную территорию Украины монеты тоже не вывезти: из самопровозглашенной донецкой «республики» людей выпускают только в сторону России, тогда как пункты пропуска на линии разграничения остаются фактически закрытыми с марта. Остается только потратить их на это недорогое развлечение.

Жена и сестра Андрея хохочут, когда он говорит, что нанесет место, где будет закопан горшок, на карту, половину которой отдаст сестре, а половину - жене. На горшке же выгравировует свой телефонный номер: пусть звонит, кто откопает, лет через сто.

Сестра просит не забыть указать код страны, чтоб не думали, чего доброго, будто набирают Россию или еще что. Хохочут снова, когда Андрей отвечает: «Нет. Пусть звонят только те, кому понятно, что это украинская территория».

## Линии разграничения

На деле на территориях под контролем донецкой и луганской «республик» с годами остается все меньше украинского. Отдаляются они не только от Киева или Полтавы, но даже от тех частей Донецкой и Луганской областей, которые остались под контролем правительства Украины. Вытеснены не только государственная символика и валюта. Тотальной замене подлежат украинские документы. За год с лишним около трехсот тысяч жителей «республик» стали гражданами РФ, до конца года в Москве планируют этот показатель как минимум удвоить. Украинский язык в школах больше не изучают. Для многих местных жителей это теперь только язык, который им приходилось слышать на украинских блокпостах, от вооруженных людей в форме.

В то же время по другую сторону линии разграничения происходит полная украинизация образования и постепенная украинизация медиа. Украинский язык, который на урбанизированном востоке с советских времен считается языком села, а с недавних пор, как показывают приведенные в опросе мнения, ассоциируется у некоторых с войной и агрессией, в городах под контролем украинского правительства становится языком прогрессивной молодежи.

Украинское информационное влияние, как видно по ответам людей, на территории под контролем «республик» фактически отсутствует: местные жители перестали доверять каким бы то ни было медиа. При этом личная коммуникация, на которую обычно полагаются в «республиках» и на линии соприкосновения, отсутствует с марта 2020 года, когда сообщение между двумя частями региона прекратилось в связи с карантином.

За шесть лет войны люди в оккупированном Донецке и неподконтрольном правительству Краматорске, оккупированном Луганске и неподконтрольном Северодонецке научились смотреть разные фильмы и ток-шоу, ездить в отпуск в разных направлениях, праздновать разные праздники, учиться по очень разным школьным и университетским программам.

1 сентября 2020г. война перешагнула символический рубеж: в школу впервые пошли дети, которые родились уже после начала вооруженных столкновений. В разных частях Донецкой и Луганской областей эти ровесники войны будут со старта учиться на разных языках и по разным букварям. Им будут рассказывать очень разную историю о родине. Герои и злодеи из их уроков, “переходя” линию разграничения, будут меняться местами.

Именно дети, как показывают представленные мнения, наиболее восприимчивы к изоляции от остальной Украины и антиукраинской пропаганде «республик». Вряд ли сегодняшние первоклассники вырастут настроенными по отношению к Украине более позитивно, чем сегодняшние подростки, которые имеют хотя бы короткий опыт жизни в мирном государстве.

### **Сложные вопросы**

Украинским правительству и парламенту стоит отдать должное: с некоторых пор они стали прислушиваться к правозащитникам и принимать хотя бы некоторые постановления и законы в интересах людей, которые оказались фактически в заложниках на неподконтрольных территориях. Так появились, например, специальные условия поступления в украинские университеты для абитуриентов из Луганска и Донецка.

Политически от таких шагов никто не выигрывает - напротив: патриотически настроенная

публика воспринимает их зачастую в штыки, тогда как жители “республик” почти не голосуют на украинских выборах.

Проблема заключается, однако, не только в политической токсичности необходимых правительственных мер в интересах страдающего от войны востока Украины. В подобных мерах Киев уже сильно отстал от Москвы, которая давно начала, например, выдавать аккредитацию донецким и луганским университетам, которые она же фактически финансирует.

Многие жители “республик” теперь сами не готовы принимать что бы то ни было от украинского государства. Участники опроса говорят об Украине с позиции посторонних: ни политически, ни экономически, ни культурно, ни информационно они в украинское государство больше не включены. Местной и российской пропаганде, подкрепленным неосторожными или провокационными действиями и заявлениями украинских чиновников и селебрити, удалось добиться того, что для многих жителей “республик” Украина стала олицетворением всего негативного, что было или есть в их жизни. Не только войны и бедности, но и, как оказалось, коррупции.

Что еще хуже: никто не знает ни реального количества людей, которые решили порвать связи с Украиной, ни их мотивов, будь то страх или политические убеждения. Представленные мнения подтверждают, что таких людей много, но мотивы у них разные. Часть тех, что были озвучены, основаны на обиде за погибших близких, другие опираются только на утверждения местной пропаганды, еще часть - это страх порицания или даже наказания за даже мнимую лояльность Киеву. К носителям настолько разных позиций нужно и обращаться очень по-разному. По-разному можно и строить отношения с жителями непохожих одна на другую донецкой и луганской “республик”. В Украине на сегодня этого, кажется, никто не учитывает.



Наконец, мнение о предвзятом отношении жителей остальной Украины к жителям территорий под контролем “республик”, к сожалению, справедливо. Но эта предвзятость взаимна и возникла задолго до начала войны. При том, что война ее постоянно подпитывает, сложно вообразить себе методы, которые позволили бы ее искоренить. Никто не может эффективно контролировать распространение неосторожных высказываний и языка ненависти в медиа. Масса обучающих проектов для журналистов и блогеров, которые проходили в 2014 и 2015 годах, на ситуацию никак не повлияли.

Естественным путем или нет, изначально искусственный конфликт давно зашел в ту фазу, из которой нет выхода хотя бы к доконфликтным отношениям: он воспроизводится на всех уровнях.

Украинское гражданское общество в попытках его разрешения бессильно без поддержки государства и содействия гражданского общества на противоположной стороне - где гражданского общества нет. При этом Украина слишком нестабильна политически и экономически, чтобы стать магнитом для тех, кто оказался за линией разграничения, как, например, стала Республика Кипр для жителей оккупированного северного Кипра. Единич-

ные же частные инициативы по определению не могут иметь кумулятивный эффект даже в долгосрочной перспективе.

Представленные мнения заставляют нас в очередной раз поднимать эти сложные вопросы о возможностях диалога и примирения, и многие не станут противиться соблазну дать на них ответы. Но ответов не существует. Только на постсоветском пространстве есть еще четыре замороженных или тлеющих и целый ряд временно подавленных или вызревающих конфликтов. В мире их десятки. Ни одна теория, ни одно благое намерение не охватывает реальной сложности и противоречивости такого конфликта.

Поэтому у меня нет уверенности в том, что территория, на которой через сто лет откопают горшок с монетами и номером телефона Андрея, будет в тех же культурных и ментальных границах, что и Киев - независимо от того, кто будет контролировать ее политически. Все, что можем сделать для ее возвращения мы как представители гражданского общества, государственные служащие или профессиональные участники коммуникации, мы можем сделать только после честной оценки как сложившейся ситуации, так и своих возможностей на нее влиять.

## Диалог через линию соприкосновения никогда не прекращался



Дмитрий Дурнев  
журналист

“УК ДНР” в действующей редакции.

*“Статья 320. Государственная измена  
Государственная измена, то есть совершен-  
ные гражданином Донецкой Народной Респу-  
блики шпионаж, выдача иностранному госу-  
дарству, международной либо иностранной  
организации или их представителям сведе-  
ний, составляющих государственную тайну,  
доверенную лицу или ставшую известной  
ему по службе, работе, учебе или в иных слу-  
чаях, предусмотренных законодательством  
Донецкой Народной Республики, **либо ока-  
зание финансовой, материально-техниче-  
ской, консультационной или иной помощи  
иностранному государству, международ-  
ной либо иностранной организации или их  
представителям...**”*

Связь с международной и одновременно ино-  
странный организацией из Берлина, не име-  
ющей официальной аккредитации в «ДНР»,  
помощь ей в сборе информации «о социально-  
экономическом положении в республике» под-  
падает под статью «государственная измена» в  
случае, если у кого-то из участников этого анке-  
тирования был паспорт «молодой республики»,  
в остальных случаях процесс вполне мог с точки  
зрения любого следователя «МГБ» («министер-  
ства государственной безопасности») подпасть  
под статьи 321 и 328 «УК ДНР» (это «шпионаж» и

«возбуждение ненависти и вражды, унижение  
человеческого достоинства»). Причем большей  
частью получить арест за шпионаж на террито-  
рии «ДНР» рисковали те, кто брал эти интервью.  
Меньшей частью, те, кто давал интервью, если  
у них есть паспорт «ДНР» - именно эти люди как  
«граждане ДНР» с собственным официальным  
документом подпадают под «государственную  
измену».

Подобные перспективы при этом не будут ка-  
ким-то перебором исполнителей или преуве-  
личением журналиста. Это спокойная донецкая  
обыденность, такая себе лотерея, в которой, как  
и в любой другой позитивной - «выигрывают»  
немногие, но знают об этих «выигрышах» прак-  
тически все.

1/3 Донецкой области, превращенные в «ДНР»,  
– довольно компактная территория, на которой  
проживает чуть больше двух миллионов людей.  
Контролируется и сама территория, и люди – их  
банально много, а значит, контролировать их  
сложнее, чем территорию. Всех посадить не-  
возможно, места лишения свободы «ДНР» даже  
теоретически не в состоянии вместить больше  
15 тысяч человек, будут проблемы и с бюджетом  
для такого процесса, но попытка держать под  
контролем население с помощью страха и про-  
паганды есть.

Арест знакомого, родственника, человека твоей  
страты и профессии для любого на этой терри-  
тории является нормой, все вокруг примерно  
знают, что, если принял большое решение жить  
дома, то все стальное должно стать второстепен-  
ным. Не нужно ничего лишнего: говорить, пи-  
сать в социальных сетях, фиксировать на чужих  
цифровых носителях и бумажных анкетах свои  
мысли... Иное - безответственное поведение по  
отношению к собственным детям и старикам.  
Это в первую очередь надо понимать, читая  
о любом «телефонном опросе» в «ДНР» или  
адресном анкетировании.

Все международные организации, начиная от чешской «Люди в беде» и заканчивая французской «Врачи без границ» были выброшены за пределы Донецкой «республики», формально – за сбор информации. У всех «международников» деньги и ресурсы выделяются под какую-то отчетность о получателях помощи, их нуждах и их количестве. Все это тоже «сбор информации о социальных и общественных процессах в ДНР».

Лояльность к «ДНР», участие в 2014 году в военных действиях на ее стороне от репрессий совершенно не защищает и это понимают все. Кто не понимает, того быстро и жестко поправляют - член общественного совета «ДНР», донецкий блогер Александр Болотин был арестован 21 января 2020 года совершенно гласно и громко. Сайт «МВД ДНР» сообщал: «Подозреваемый уличен в размещении в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ряда видеоматериалов, содержащих заведомо ложную, неподтвержденную информацию, направленную на возбуждение ненависти и вражды, а также порочащую честь, достоинство и деловую репутацию органов власти и силовых структур Донецкой Народной Республики».

Никто до сих пор до конца не понимает какой именно пост в сети фейсбук стал реальной причиной многомесячного ареста совершенно лояльного к «ДНР» блогера - осторожная критика силовиков за задержания в новогодние праздники в центре Донецка всех, кто не имел паспорта «ДНР» (а он есть пока не более чем у 10% населения) или критика администрации Макеевки за реальный срыв детского питания в школах? Но Болотин сидит с января, и его жена, после десятиминутной встречи в присутствии следователя в феврале, второй раз увидела мужа более чем через семь месяцев - 2 сентября 2020г. на первом суде, где дело рассматривалось по существу. Адвокаты ей го-

ворят, что по этой статье муж может получить не более четырех лет. Болотин со столь малым возможным сроком и сентябрьским судебным заседанием выглядит абсолютно привилегированной фигурой - обычно люди сидят до суда гораздо дольше.

При этом попытки работы на украинские и международные СМИ, оплачиваемая в евро работа на международные полулегальные тут организации, работа каких-то отдельных международных фотографов и интервьюеров разумеется имеет место. Равно как и работа людей, просто ведущих прифронтовой бизнес - «донецкие» крайне притерпелись к риску при работе, это правда.

Весь этот не террор, а просчитанный и, возможно, местами плохо исполняемый своеобразный порядок дополняется отсутствием примата частной собственности как таковой, очень агрессивной пропагандой, относительно большим количеством людей вокруг с посттравматическими расстройствами и всеми прелестями военного положения в виде строгого шестилетнего комендантского часа с 23-00 до 4 утра и блокпостов с пропусками по дороге к морю.

Эту общую привычную уже не проговариваемую как данность атмосферу нужно учитывать - в заполненных анкетах ее нет, в принципе. В Донецке можно безнаказанно говорить о «бомбежках» ВСУ и их в ответах хватает, арестов же, несвободы, блокпостов, комендантского часа там нет вовсе...

Это анкетирование весьма информативно для людей, погруженных в конфликт, знакомых с ситуацией и будет полезно для психологов, филологов, профессиональных переговорщиков. Тех, кто будет в будущем со всем этим полем работать, налаживать мосты и пытаться понимать накопленные за годы нарративы из



слов, понятий и просто многочисленных новых памятников на каждом углу.

Характерно появление в анкетах множества наведенных воспоминаний о «бомбежках» (это слово просто фирменное для Донецка, в Мариуполе и Краматорске никто не говорит о обстрелах «Градов» и «Смерчей» 2015 года как о «бомбежке», в «ДНР» последствия любого обстрела – часто «бомбежка»).

Множество очевидцев появления самолетов, работы добробатов (это всегда «Донбасс» и «Азов» - они местные и харьковские, свои восточные и «предатели», их чаще всего упоминают в местных газетах и телевизоре).

Я сам всегда говорю там с людьми: знакомыми и не очень. Особенно хорошо шли беседы с пенсионерами в многочасовых ожиданиях перед КПВВ и в пробках на линии соприкосновения. Некоторые беседы остались у меня на диктофоне. Меня всегда поражали два момента - травматизация воспоминаний о референдуме 11 мая 2014-го: о нем всегда говорят неохотно, мало кто туда ходил, а если и ходил, то «голосовал не за это». И горячее обсуждение, четкая и твердая ориентация во всех изменениях процедур украинским Минсоцполитики, государственным «Ощадбанком», новых инициативах и старых обещаниях Владимира Зеленского. Интересно было бы исследовать каким образом вся эта информация так эффективно уже сейчас попадает за информационный занавес «ДНР».

Я бы добавил в рекомендации - полное снятие запретов на перемещение людьми через КПВВ товаров и грузов. Мелкая приграничная торговля сделает и уже делает гораздо больше любых телемостов. Нельзя недооценить важности миллионных потоков людей, переливавшихся через линию соприкосновения еще в марте этого года. Пандемия Covid-19 стала

поводом для остановки потока людей через КПВВ «ДНР» в сторону неподконтрольных Украине территорий (для поездок в Россию ограничения сняты).

Раньше простой факт о том, что многие тысячи людей вокруг, как правило, везут «на Украину» пустые сумки, а обратно – продукты, и никто никогда не делает наоборот, работал против агрессивной пропаганды лучше всего. Поговорите с торговцами рынка в Волновахе - «донецкие» брали все от детских смесей и лекарств до пластиковых ведер и тазов, оборот рынка с закрытием блокпостов на линии соприкосновения упал на 30%.

Только с войной в Донецк пришло понимание, что в Украине хорошо с лекарствами, едой, есть отечественные бренды за которые и переплатить не жалко.

Мне всегда интересно говорить с донецкими бабушками в очередях за молоком. В отдельные микрорайоны Донецка по утрам возят бочки с молоком из ферм Старобешеево и Новоазовска, оно на рубль-два дешевле магазинного. Сразу понимаешь, что влияния местной телевизионной повестки практически нет, зато московской, российской – огромно: перипетии российского отбора на Евровидение, всевозможных сериалов, политических и песенных шоу обсуждаются в очередях предметно и трепетно.

Относительно диалога. Невозможно игнорировать войну и тот простой факт, что диалог через линию соприкосновения никогда не прекращался. Лидеры «ДНР», опальные и действующие, перезваниваются в мессенджерах с донецкими бизнесменами в Киеве - вопросы собственности, возможной мести, послевоенного сотрудничества нужно решать сейчас. Не все конфисковано, вне полного «государственного» контроля «ДНР» работает производство

контрафактных сигарет фабрик «Хамадей» в Дебальцево и Донецке, молочное производство торговой марки «Геркулес», фабрики и заводы по производству картонной упаковки, конфет, металлического профиля, часть полиграфического производства. Уже идет стихийный диалог людей и информационных департаментов специальных служб обеих сторон в массовых чатах и группах в телеграмме (<https://t.me/blokpostDonBus>, <https://t.me/dnrdom>, <https://t.me/blokpostdonbasschanel>).

По своей семье скажу - общение родственников по обе стороны линии соприкосновения не прерывалось ни разу, не глядя на часто разные взгляды на войну.

Ситуация в «ДНР» при всей ее внешней незыблемости очень подвижна и развивается месяц от месяца на уровне семей и отдельных людей. До сих пор, на седьмом году войны принимаются взвешенные решения о выезде на неподконтрольную Украине территорию семей с вещами, собаками и детьми. С этими людьми тоже стоит говорить - как они встраиваются после 6 лет Донецка в украинскую Константиновку, как дети адаптируются (адаптируются ли) в украинских школах? Я отслеживаю такие истории и очень хочу сделать материал о выехавших в ходе коронавирусной блокады и их адаптации. Есть ли она в принципе?

В свою очередь, в оставшихся жить в Донецке и Макеевке семьях уже сформировался доминирующий тренд на отсутствие кормильцев, уезжающих на заработки в Россию, в первую очередь. Огромный пласт детей, растущих без отцов, уже есть сейчас, а учителя в донецких школах жаловались мне на поколение учеников, которое на фоне 6 лет войны угрозы беседы с директором или вызова к завучу, просто не принимает во внимание.

В последние два года также начал отстраиваться и выделяться новый чиновничий класс «ДНР», мои знакомые из бюджетных «правительственных структур» с заработных плат в 12-17 тысяч рублей (140-190 евро) понемногу вышли на ставки в 30-45 тысяч (330-500 евро), и в этом году впервые несмело после коронавируса двинулись на отдых в сторону Крыма и азовского побережья России. В «ДНР» есть небольшой, но уверенный пласт счастливых людей, которые не воспримут возвращение Украины.

Ситуацию на неподконтрольных территориях нужно изучать - это точно. Это анкетирование точно вызовет споры, осуждение и обсуждение, которое будет тем более взвешенным, чем более адресно и точно оно разойдется.

Лично я смог заставить себя начать его анализировать только после шестого прочтения.

# Размышления конфликтолога



## Диалог начинается с личных историй



**Инна Терещенко**

медиатор, фасилитатор, тренер, конфликтолог, кандидат философских наук, руководитель Одесской Группы медиации (ООГМ)

Прежде чем дать комментарии относительно данного исследования и публикации скажу, на основании чего я их делаю. Я медиатор с большим стажем, фасилитатор, в том числе фасилитатор диалогов, где особое место занимают диалоги после 2014 года. Есть опыт участия в качестве фасилитатора в проектах украинско-российских диалогов, а также диалогов многосторонних с участием украинцев и украинок через линию разграничения. Ну и кроме всего прочего, обладаю опытом работы с конфликтом в широком понимании этого слова.

### Мысли и взгляды обычных людей

а) Важность и актуальность с точки зрения конфликта, логики развития конфликта.

Важно прежде всего для Украины, украинского гражданского общества, поскольку вопросы урегулирования ситуации в украинском обществе еще недостаточно обсуждаются и опираются на общее описание ситуации и на базовые конфликтные стереотипы (где жители неподконтрольных территорий или предатели, сепаратисты или жертвы, как было сказано в тексте).

б) Очень ценно, что публикация взяла в фокус мысли и взгляды обычных людей. И не столь важно, что нет репрезентативности. Но есть представленность достаточно разнообразного спектра мнений, которые сейчас характерны для неподконтрольных территорий.

Это имеет значение с точки зрения понимания, во-первых, настроений. Прошло 6 лет, ситуация меняется. Люди склонны искать ориентиры и опоры для поиска стабильности. И этот спектр настроений как раз отражает процесс адаптации. Согласно исследованиям, лишь 10 % людей легко переносят ситуацию неопределённости (толерантность к неопределённости), поэтому понятен поиск факторов, показателей стабильности, понятности, видения осязаемых перспектив. Этим, вероятно, и объясняется такое представление, что конфликт был в прошлом, когда велись активные боевые действия. Хотя ситуация фактически не разрешена, и с точки зрения более широкого масштаба конфликт находится в острой фазе. Произошла адаптация к ситуации наличия линии разделения и другим изменениям. И раз нет реальной ежедневной угрозы жизни, как во времена активных боевых действий, значит конфликт уже в прошлом, – считают люди.

Во-вторых, помимо настроений и атмосферы, представленных в исследовании, оно важно и для понимания того, как меняется жизнь на этих территориях, перед какими вызовами находятся люди, какие задачи решают.

Ценность этой публикации – в ее практичности. И не столько для формирования политических и государственных программ, сколько для стимулирования общественной дискуссии относительно урегулирования ситуации. Она позволяет включить в обсуждение человеческий фактор, мнения, настроения людей, чьи



судьбы сейчас опять стоят на повестке. *Вернуть субъектность людям, живущим на неподконтрольной территории, внутренне перемещенным лицам, живущим, разбросанным по всей территории Украины.*

Еще один показатель практичности исследования – наличие раздела о диалоге. По сути, именно для описания оснований и важности коммуникации между людьми и создана публикация. Такие диалоги уже ведутся через линию соприкосновения. Часть диалоговых инициатив в силу понятных причин – конфиденциальны, и информация не находится на поверхности. Возможно, по этой причине в публикации и нет конкретных примеров подобных диалоговых встреч.

Таким образом, основной смысл и ценность публикации – это разговор о роли диалога, возможностях и препятствиях восстановления связей между людьми из разных регионов.

### **Что привносит острый конфликт, вооруженные действия в коммуникацию между людьми?**

Территория разделена войной, а значит люди, находящиеся по разные стороны линии соприкосновения, автоматически становятся сторонами конфликта. И в процессе развития конфликта это разделение увеличивается, усиливается поляризация. А главное – жертвы, потери с обеих сторон, что, безусловно, в разы усиливает негативное восприятие другой стороны. И если в обычном конфликте, до применения насилия, происходит сужение представления об оппоненте, то после применения силы и оружия, оппонент уже становится врагом, которому внутренне «выставляется счет» и обвинения. В данном случае, говоря о жителях неподконтрольной территории, в их глазах те, кто находится по другую сторону линии разграничения представляют собой врага, и все несут ответственность за то, что на их территориях

– разрушения и война. Так же происходит и с жителями остальной Украины, часто происходит упрощение восприятия: раз люди остались, значит поддерживают режим. Нет внутреннего разделения на разные позиции и отношения. Это особенность развития конфликта, когда оценка ситуации проходит в черно-белом описании, когда нет «разных мнений» и позиций, а есть «враг и противник», вне зависимости от роли в конфликте. Так работают законы жанра конфликта. И вот почему так важно еще в острую фазу конфликта размыывать эту поляризацию, уходить от схематичных представлений о «противнике», о тех, кто по другую сторону. И не менее важно не только показывать различия во мнениях, настроениях и оценках, но и показать, на чем основаны эти взгляды, представления, настроения. Это дает возможность и основу для диалога, для поддержания связей и контактов и установления новых.

### **Что разделяет людей сейчас и какое качество этого разделения?**

Ситуация через 6 лет стала сложнее, чем была. И это не только о появлении целого поколения молодых людей, которые политически, социально сформировались как раз в период конфликта и войны. Отсюда и такая радикализация, которая усиливается психосоциальными особенностями возраста.

Разделение усиливается в силу объективных причин: война и потери, позиции противников в войне ( в том числе, разрыв экономических связей и т.п.) и субъективных, которые а) носят отпечаток логики, развития конфликта (дегуманизация, поляризация, радикализация и т.п.) и б) реакцией на происходящие, реакцией на взаимодействие с жителями остальной Украины. Ну и конечно, реакция на разрыв в информационном пространстве.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент, который характеризует жителей Дон-

басса. В культуре этого региона очень важны семейные связи, именно поэтому разрыв этих связей воспринимается особенно болезненно и прикладываются разные усилия, чтобы поддерживать эти связи. Еще одной особенностью культуры является и низкая мобильность, особое отношение к дому.

И это также один из факторов, который усилил травматичность ситуации.

*Что на данный момент разделяет людей на разных территориях?*

1. Жизнь идет своим чередом, разные реальности, разные законы, правила, валюты и т.п. Это за 6 лет уводит жителей неподконтрольной территории от ориентации на украинскую реальность (если нет пенсии, если нет необходимости выбора учебного заведения и т.п.). Россия в такой ситуации оказалась рядом и вовлекла в свое политическое пространство. Но и создана уже своя реальность, отличная от жизни двух государств, Украины и РФ.
2. Разные информационные поля, в которых живут люди. С обеих сторон существует пропаганда, а это значит описание черно-белой картинки.
3. Стереотипизация представителей разных территорий. В интервью звучали слова о том, что в Украине их воспринимают как «врагов», «ватников» (а это уничижительное определение) или жертв. Следует отметить, что и до конфликта, до войны, во времена президентства Януковича в Украине, в силу разных причин, уже появились негативные стереотипы о жителях Донбасса. Был некоторый перенос негативного отношения к системе управления президента на его земляков. И этот стереотип уже стал основанием для усиления негативного отношения после начала войны.
4. Сложности в коммуникации и объективно (линия разграничения, отсутствие пря-

мой связи), так и субъективно, когда начали теряться общие темы для контактов и общения.

5. Обида. Сложилось впечатление, что не поддержали, не помогли. И в такой острой ситуации аргументов о том, что не могли помочь и т.п., не было

**Что может сблизить, как назван один из разделов публикации. И ответ в подзаголовке: «объективная информация».**

В ситуации войны, острой фазы конфликта и разделенности объективной информации быть не может. Особенно на уровне общения между обычными людьми. У каждого своя правда и свои аргументы для ее подтверждения. И оспаривание, попытки представить свои факты и аргументы вызывают только напряжение и отстраненность. Потому многие люди и говорят, что избегают разговоров о политических вопросах, где каждый верит в свою правду.

Именно поэтому, говоря о диалоге, важно готовить людей услышать и понять эту другую правду. С обеих сторон. И это не об открытости к диалогу. В ситуации острой фазы конфликта могут быть разные основания для диалога. Это может быть осознанная позиция что-то сделать, чтобы снизить уровень накала конфликта и желание взять на себя ответственность на своем уровне влияния, в своем кругу общения.

Это может быть также интерес, чтобы понять, а что думают и понимают эти другие. Иногда люди приходят на диалог с желанием переубедить и показать свою правду и доказать, что жизнь у них восстановилась и уже налажена, рассказать о своей обиде. В процессе фасилируемого диалога эти люди узнают, как и что делают в разных регионах Украины для помощи переселенцам, как относятся к войне, и тогда появляется эта самая готовность и желание узнать больше, готовность к диалогу.

**О каких вопросах может быть диалог и какие возможности у него есть.**

В большинстве интервью говорили о том, что избегали острых и политических вопросов. И возможно это правильная стратегия, особенно в период, когда восстанавливаются отношения людей, которые общались и были связаны друг с другом до войны. И это важно, чтобы поддержать эти отношения. Чтобы связь не прерывалась. Но это лишь одна из задач, одно из первичных оснований для налаживания коммуникации через линию соприкосновения.

Если речь идет о диалоге как о средстве урегулирования ситуации, то, безусловно, важно ставить вопросы, описывающие ситуацию. Через нарративы, через описание личных историй, переживаний, можно понять, что реально люди пережили. И тогда ситуация становится объемнее, понятнее. Личные переживания невозможно опротестовать. Их можно слушать, их нужно быть готовым слушать и обладать способностью к эмпатии. Тогда эти истории не

становятся основаниями для споров и поиска доказательств, потому что нарративы, это то, что пережили конкретные люди, они кому-то принадлежат, это не отнимешь, это невозможно опровергнуть.

Диалоги могут быть и для понимания другой стороны и их аргументов.

Важно, что диалоги в такой острой ситуации должны проходить с помощью фасилитаторов, их нужно готовить, чтобы не обострить ситуацию еще больше.

В завершении могу сказать, что это очень своевременная публикация, поскольку дает возможность и основания понять эти личные истории, перевести противостояние с политического на уровень понимания других людей. И создать, организовать и поддерживать связи, отношения между людьми через линию разграничения. Так, чтобы разграничивать не людей, а только территории. Рекомендую это исследование для прочтения всем тем, кто предполагает работать с диалогами.







# «Нужны ли мы Украине?»

Результаты анкетирования в неподконтрольных районах Донбасса, анализ мнений и выводы конфликтолога.

Цель этой публикации – начать заполнять пробел в публичном обмене мнениями и ожиданиями через линию соприкосновения на Донбассе и в Украине в целом, создать пространство, где могли бы быть представлены взгляды людей, живущих на неподконтрольной территории, поддержать развитие общественной дискуссии о возможностях реинтеграции.

«По отношению к жителям неподконтрольных территорий в Украине преобладает [...] упрощенное восприятие. Мы слишком мало знаем об этих людях и слишком редко слышим их голоса, чтобы осознать, что их жизни и взгляды гораздо сложнее, чем вопрос поддержки одной или другой стороны. Данное исследование – уникальная возможность хотя бы отчасти исправить эту несправедливость [...]».

**Алиса Сопова,**

журналистка, исследовательница, которая родилась и выросла в Донецке.

«Ценность этой публикации – в ее практичности. И не столько для формирования политических и государственных программ, сколько для стимулирования общественной дискуссии относительно урегулирования ситуации. Она позволяет включить в обсуждение человеческий фактор, мнения, настроения людей, чьи судьбы сейчас опять стоят на повестке. Вернуть субъектность людям, живущим на неподконтрольной территории, внутренне перемещенным лицам, живущим, разбросанным по всей территории Украины».

**Инна Терещенко,**

медиатор, фасилитатор, конфликтолог.

«Это анкетирование весьма информативно для людей, погруженных в конфликт, знакомых с ситуацией, и будет полезно для психологов, филологов, профессиональных переговорщиков. Тех, кто будет в будущем со всем этим полем работать, налаживать мосты и пытаться понимать накопленные за годы нарративы из слов, понятий и просто многочисленных новых памятников на каждом углу».

**Дмитрий Дурнев,**

журналист.